

Примерно до середины XX века караимы — представители ныне малочисленной, но древней религиозной традиции в рамках иудаизма — Восточной Европы в качестве разговорного идиома, выделявшего их на фоне иноконфессионального окружения (славяноязычных христиан и говоривших на идише иудеев-раввинистов), использовали тюркский язык западнокипчакского типа, который принято называть «караимским» — по конфессиональной, а затем и этнической идентичности их носителей. При этом под собственно «караимским языком» подразумевают диалекты Волыни-Галиции и Литвы: носителей первого фактически уже не существует, второй существует скорее в эритажном состоянии; караимы Крыма разговаривали по меньшей мере с XVII века (а возможно, и ранее) также до середины XX в. на диалектах, классифицируемых ныне как крымскотатарские («средний», являющийся собственно кипчакским, и южнобережный — фактически крымский диалект (старо)турецкого языка); караимы за пределами Крыма и Восточной Европы использовали и используют до сих пор языки соответствующего окружения: в Византии (а затем только Константинополя) — греческий, на Ближнем Востоке и в Египте — арабский, в современном Израиле — иврит (наряду с русским у караимов — выходцев из бывшего СССР). Проблема с грамматическим — и особенно лексикографическим — описанием «караимского языка» состоит в том, что основным его источником, как и любого мёртвого языка, являются памятники книжности, прежде всего традиционные библейские переводы (в рамках иудейской традиции — «таргумы», то есть переводы, служащие в качестве вспомогательных, так или иначе приближающих еврейские общины в диаспоре к пониманию текстов Священного Писания в лексических и грамматических формах диаспоральных языков). Любой «таргумический» язык, возможно за исключением близкородственного арамейского — языка первых собственно таргумов, не являлся в полном смысле вернакуляром, поскольку, во-первых, калькировал синтаксическую структуру библейского текста, во-вторых, вбирал в себя толкования сложных для понимания мест и переводы отдельных слов, восходивших зачастую к переводам на иные «таргумические» языки (для «караимского» — это иудео-персидский и иудео-арабский, возможно, также ещё иудео-греческий). При этом библейская экзегеза и лексический арсенал переводчика («таргумиста») могли преодолевать внутриконтрафессиональные различия, и раввинистические толкования оказывались хорошо известны и даже употребимы караимами, а караимские — у раввинистов, в связи с чем конфессиональная принадлежность «караимского» языка вызывает большие сомнения: дело в том, что тюркоязычными в Восточной Европе и Крыму были не только караимы, но и раввинисты. О последних было известно лишь применительно к крымчакским общинам, от которых библейских переводов практически не сохранилось, а самый крупный текст такого рода — сборник книг пророков и писаний конца XVIII в. из собрания Гинцбурга в РГБ — до сих пор не введён в научный оборот. Однако недавно в первом, библейском, собрании А. С. Фирковича (РНБ) был обнаружен фрагмент Пятикнижия на тюркском языке, безусловно старозападнокипчакского типа, который датируется 1470–80-ми годами, то есть является самым ранним памятником тюркской книжности в еврейской графике. Выяснилось, что создатели этого перевода, с большой вероятностью, были не караимами, а раввинистами, причём уже находившимися в языковом контакте со славянским ареалом, что не мешает некоторым современным тюркологам квалифицировать язык этого памятника как «старокараимский». Всем этим проблемам и посвящён доклад А. И. Грищенко, который для обозначения такого рода языков предлагает более общие термины — «иудео-тюркский», а также «таргумический тюркский» языки.